

СДАЧА ВЕНГЕРСКОЙ АРМІИ РУССКИМЪ ВОЙСКАМЪ

ПОДЪ ВИЛАГОШЕМЪ 1-ГО АВГУСТА 1849 Г. (*).

I.

По разбитіи венгерскаго корпуса подъ городомъ Дебrecиномъ, 21-го іюля, войска, направленные подъ предводительствомъ генераль-адъютанта графа Ридигера для преслѣдованія отступившей къ крѣпости Араду арміи Гѣргея, прибыли 29-го того же мѣсяца въ деревню Артандъ. Здѣсь встрѣтили насъ присланные отъ Гѣргея парламентареры: генераль баронъ Пельтенбергъ, адъютантъ его, ротмистръ Бетленъ-Габоръ и полковникъ Ваницкій, съ письмомъ къ главнокомандующему нашею арміею, въ которомъ венгерцы пытались предложить нѣкоторыя условія при капитуляціи. Графъ Ридигеръ, принявъ отъ нихъ письмо, отправилъ его къ генераль-фельдмаршалу въ Дебrecинъ, а парламентареры, въ ожиданіи отвѣта, остались въ нашемъ штабѣ, были обласканы графомъ и приглашены имъ къ обѣду.

Послѣ обѣда, графъ поручилъ генералу Фролову (**), переговорить съ ними частнымъ образомъ и убѣдить ихъ въ совершенной невозможности, со стороны ихъ, къ дальнѣйшему сопротивленію; но они, считая тогда силы свои до 200,000 человекъ (?), говорили, что обязаны до конца исполнить долгъ свой и, въ случаѣ неблагоприятнаго отвѣта, должны еще попробовать счастья въ бою. Съ тѣмъ, дѣйствительно, парламентареры и отправились въ свой станъ, когда на письмо Гѣргея приказано было отвѣтить, что императорско-россійская армія прибыла въ Венгрію не для переговоровъ, а для военныхъ дѣйствій, и что съ переговорами они должны обращаться къ австрійскому главнокомандующему, барону Гайнау.

Продолжая грозное наше наступленіе къ крѣпости Араду, центру революціи въ тогдaшнее время, мы, по приходѣ въ мѣстечко Биш-Іено, снова были встрѣчены тамъ адъютантами Гѣргея съ письмомъ къ графу Ридигеру. Гѣргей писалъ, что армія его изъявила готовность безъ условно покориться и сложить оружіе передъ воинствомъ Его Величества Россійскаго Императора, и просилъ графа прислать къ нему довѣренное лицо для того, чтобы условиться относительно церемоніи сдачи войскъ и сложенія оружія. Тотчасъ же, по приказанію

(*) Статя эта написана очевидцемъ, личнымъ адъютантомъ начальника штаба 3-го корпуса, генерала Фролова.

(**) Начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генераль-майоръ, нынѣ генераль-адъютантъ.

Ред.

графа Ридигера, генералъ Фроловъ, инженеръ—поручикъ баронъ Оффенбергъ, саперный поручикъ Ахбауеръ и я (*), въ сопровожденіи адъютантовъ Гёргея, на четырехъ телегахъ быстро поначались въ станъ непріятельской арміи. Это было въ 10 часовъ утра, 31-го іюля. Главная квартира Гёргея находилась тогда въ городѣ Вилагошѣ, куда мы и прибыли въ часъ пополудни.

Вилагошъ, довольно красивый небольшой городокъ, живописно раскинутъ при подошвѣ холмистыхъ горъ. Надъ самою серединою города, на скатѣ одного изъ холмовъ, возвышался прекрасный каменный домъ, съ галереею въ саду, который растиался по скату холма до самой улицы. По огромной около этого дома толпѣ народа и солдатъ, можно было догадываться, что здѣсь квартира главнокомандующаго, а медвѣжья шапки часовыхъ гренадеровъ (при воротахъ) служили еще болѣе несомнѣннымъ признакомъ его тутъ пребыванія. Едва подѣхали мы къ крыльцу дома, какъ Гёргей вышелъ на встрѣчу намъ. Сдѣлавъ привѣтствіе, онъ взялъ генерала подъ руку и повелъ его прямо въ кабинетъ, гдѣ они тотчасъ же и занялись предстоявшимъ дѣломъ. Въ это время мы трое вошли въ главную залу, наполненную множествомъ офицеровъ. Дежурный адъютантъ поочередно рекомендовалъ намъ находившихся тутъ генераловъ, членовъ временнаго правленія и офицеровъ, составлявшихъ главный штабъ Гёргея. Это собраніе можно было назвать живою галереею красавцевъ—мужчинъ въ роскошныхъ венгерскихъ мундирахъ; здѣсь собранъ былъ цвѣтъ венгерской молодежи самыхъ знатныхъ фамилій. Вскорѣ и насъ пригласили въ кабинетъ, гдѣ генералъ Фроловъ рекомендовалъ насъ Гёргею.

Мы были восхищены увлекательною наружностію молодого генерала, который былъ предъ тѣмъ грозой для союзниковъ нашихъ, австрійцевъ, а теперь облеченъ въ санъ диктатора и главнокомандующаго всѣхъ силъ венгерской инсurreкціи.

Гёргею на видъ казалось лѣтъ двадцать пять. Онъ тонокъ, строенъ, высокъ. На кругломъ миловидномъ лицѣ его, покрытомъ небольшими рѣдкими бакенбардами, усиками и бородкою, начертаны кротость и добродушіе. Большіе голубые глаза его блещутъ быстрымъ, неизмѣримымъ взглядомъ, выражающимъ полное сознание силы и превосходства. На головѣ Гёргея была повязка: пестрый, шелковый платокъ, охватывая однимъ концемъ верхнюю часть головы, другимъ ниспадалъ на плечи и закрывалъ на затылкѣ рану (**). При та-

(*) Личный адъютантъ начальника штаба.

(**) Отъ сабельнаго удара въ сраженіи подъ гр. Коморношъ.

кой фантастической повязкѣ, кроткое, доброе лицо его еще болѣе казалось нѣжнымъ. Его костюмъ составляли: совершенно простое, темнокоричневое пальто, съ красными шпурками на груди и съ позументомъ на воротникѣ; черезъ плечо неразлучная спутница его — дорожная сумка, огромные (далеко выше колѣнъ заходящія) сапоги изъ самой грубой кожи. Рѣчь его проста; гармоническій голосъ звучитъ силою воли; въ приемахъ видѣнъ врожденный даръ повелѣвать....

Послѣ кроткаго привѣтствія къ намъ Гѣргея, мы вышли въ залу; генералъ нашъ оставался еще въ кабинетѣ. Выйдя оттуда, онъ тотчасъ же отправилъ барона Оффенберга съ донесеніемъ къ графу Ридигеру.

Вся Венгрія обѣдаетъ въ часъ полудни, а потому въ залѣ столъ былъ уже давно накрытъ. Вскорѣ явился Гѣргей и просилъ насъ къ столу. Обѣдъ, состоявшій, по венгерскому обычаю, блюдъ изъ пятнадцати, продолжался часа три. За столомъ слѣдо до пятидесяти особъ — генераловъ, старшихъ изъ чиновъ гражданскихъ и офицеровъ, и сверхъ того хозяйка дома, г-жа Дитрихъ, и жена главнаго доктора арміи, г-жа Мигаликъ. Каждый изъ собесѣдниковъ старался придать разговору веселый тонъ, накого и можно было бы, казалось, надѣяться, въ особенности при превосходныхъ, подававшихся тутъ, винахъ; но рѣчь не оживлялась; напротивъ, на лицахъ нашихъ собесѣдниковъ видны были явные слѣды глубокой думы. Всѣ были въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Даже мы сами находились въ странномъ, никогда неиспытанномъ положеніи. Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному опредѣленію судьбы, они собраны здѣсь для роковаго празднованія своей собственной трынны?... Несчастные! многіе изъ нихъ не ошибались въ предчувствіи своей гибели.... (*)

По выходѣ изъ-за стола, простившись съ новыми нашими знакомцами, мы, сопровождаемые тѣми же адъютантами до деревни Зарандъ, отправились въ корпусную нашу квартиру, куда и прибыли къ шести часамъ вечера.

II.

Въ самую полночь на 1-е августа, войска наши бодро снялись съ своихъ позицій и стройно двинулись впередъ; 2-я и 3-я легкія кавалерійскія дивизіи составляли передовую колону; за нею слѣдовали 7-я и 8-я пѣхотныя дивизіи. Около пяти часовъ утра, прибыли мы къ деревнѣ Зарандъ, гдѣ перестроились въ боевой порядокъ, въ которомъ продолжали наше наступленіе, и наконецъ оста-

(*) Многіе изъ нихъ повѣшены или разстрѣлены, по приговору австрійскаго правительства, въ вр. Арадъ!...

новились на равнинѣ, при деревнѣ Шеллошъ. Ни солдаты, ни частные командиры войскъ нашихъ не знали о предстоящемъ событіи. Всѣ готовились къ бою....

Равнина Шеллошъ съ юго-запада ороймлена цѣлью красивѣйшихъ холмовъ, покрытыхъ воздѣланными виноградниками и зелѣнѣющими рощами; при подошвѣ холмовъ извивается дорога отъ крѣпости Арада въ мѣстечко Борош-Тело. Около десяти часовъ утра, по этой дорогѣ поднялись густыя облака дыма, которымъ были для насъ вѣстниками приближенія къ намъ венгерскихъ войскъ. Мало по малу головы колонъ пѣхоты ихъ стали показываться на равнинѣ и выстраиваться въ одну линію, параллельно къ нашей; за нею артилерія строилась во вторую линію, а кавалерія стала на флангахъ пѣхоты. Такимъ образомъ, среди самаго полудня, подъ расклеванными лучами солнца, въ стройномъ безмолвіи сошлись двѣ враждовавшія арміи....

Ровно въ часъ, Гѣргей, сопровождаемый своимъ блистательнымъ штабомъ, быстро мчался къ намъ на прекрасномъ золотисто-гнѣдомъ конѣ, въ своемъ скромномъ пальто, съ суммой черезъ плечо и въ бѣлой круглой пуховой шляпѣ съ перомъ. Остановивъ штабъ свой въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, онъ, съ поникнутой головой, приблизился къ графу Радигеру и открылъ торжественный актъ сложенія оружія продолжительнымъ объясненіемъ; въ заключеніе, подалъ графу рапортъ о числѣ сдаваемыхъ войскъ и оружія. Возвратясь къ своему штабу, Гѣргей передалъ ему привѣтствіе графа, на которое венгерцы, потрясая въ воздухѣ своими киверами и шляпами, отвѣчали громкимъ возгласомъ: «да здравствуютъ русскіе!» Затѣмъ Гѣргей приказалъ, чтобы войска складывали оружіе, и въ ту же минуту весь штабъ его — съ мѣста въ карьеръ.... каждый понесся къ своей части, для исполненія приказа своего вождя.

Войска Гѣргея состояли изъ 1-го, 3-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и простирались до 30,000 человекъ нижнихъ чиновъ. Они имѣли 11 генераловъ, до 2,000 офицеровъ, 5,000 строевыхъ и 3,000 упряжныхъ лошадей и 144 орудія, одинъ понтошный и два артилерійскихъ парка, съ огромнымъ количествомъ артилерійскихъ снарядовъ, ружейныхъ и амуниционныхъ вещей.

Около пяти часовъ вечера, когда 3-й и 7-й корпуса были уже на мѣстахъ, а 1-й корпусъ все еще продолжалъ выстраиваться, началась «церемонія сдачи». По отдаваніи чести, пѣхота съ грустію снимала съ себя боевую амуницію и ставила ружья въ козлы. Сол-

даты, прощались, плакали и цѣловали анжана своихъ полковъ. Гусары, оставляя своихъ коней, обнимали ихъ и, рыдая, прощались съ ними; столь же горько прощались они и съ своимъ ружьемъ.

Затѣмъ графъ Ридигеръ, сопровождаемый своимъ штабомъ, приближился къ войскамъ Гёргея и, привѣтствуя ихъ, началъ осмотръ. Невыразиме трогательно былъ видъ этого войска, стройнаго (*), сильнаго и бодрого, которое, за нѣсколько мѣсяцевъ, было такъ страшно для Австріи, а въ эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, какъ бы обреченное на казнь, ожидаемо исполненія своего присявора!... Грустными взорами провожали насъ солдаты; офицеры, пониживъ головы, плакали.

Не удаливши графа, Гёргей подѣхалъ къ рядамъ своихъ войскъ и тотчасъ же былъ окруженъ офицерами и солдатами. Онъ началъ было говорить имъ послѣднее привѣтствіе, но не могъ произнести ни одного слова: глухое рыданіе вырвалось изъ груди его, и вся армія, огласивъ воздухъ крикомъ: «да здравствуетъ Гёргей!» отвѣчала словами искренней преданности своему вождю. Одинъ изъ офицеровъ вышелъ впередъ, чтобы отъ лица всѣкъ сказать нѣсколько словъ бывшему своему генералу; но, не въ силахъ будучи удержаться отъ рыданій, онъ могъ только прозанести: «прощай Гёргей!» — «Прощай Гёргей!» повторилось въ рядахъ всей арміи.

Между тѣмъ, наша 2-я легкая кавалерійская дивизія стройно подошла къ фронту венгерской арміи и приступила къ принятію военнопленныхъ. Это окончилось около восьми часовъ вечера. Потомъ, передъ самыми уже сумерками, обезоруженныя колонны потянулись бѣгомъ въ плѣнъ за любимымъ своимъ вождемъ, подъ командою нашей кавалеріи, по направленію къ Гроссъ-Вардейну. Вскорѣ мракъ ночи покрылъ эту печальную для венгерцевъ картину непроницаемою завѣсою.

III.

Начальникъ штаба, еще днемъ принявъ Гёргея, не оставлялъ его и, вмѣстѣ съ нимъ предшествуя плѣнной арміи, слѣдовать всю ночь въ корпусную нашу квартиру Киш-Лено, куда мы прибыли въ четыре часа утра, 2-го августа.

Въ этотъ день, всѣ военно-плѣнные нижшіе чины расположены

(*). Замѣчательно, что въ войскахъ Гёргея до послѣдней минуты существовали въ высшей степени порядокъ и дисциплина; доказательствомъ тому служить самый въ глазахъ нашихъ случай: во время слѣдованія войскъ къ вѣсту своего оружія, Гёргею доложили, что одинъ изъ офицеровъ оказалъ неповиновеніе своему; офицеръ, передъ цѣлою арміей, былъ тотчасъ же разжалованъ въ ряды. (Изъ „Описанія венгерской войны“ П. М.)

были бивуакомъ около Киш-Иено, а генераламъ и офицерамъ отданы въ мѣстечкѣ квартиры; имъ дозволено было оставить при себѣ сабли и предоставлена свобода личности въ такой мѣрѣ, что они могли почти не замѣчать своего плѣна.

Въ удовлетворенію главныхъ потребностей жизни плѣнныхъ приняты были самыя дѣятельныя мѣры: тотчасъ же начали выдавать офицерамъ на содержаніе деньги, оберъ-офицерамъ по одному, а штабъ-офицерамъ по два гульдена на серебро въ день, а для нижнихъ чиновъ отпускать печеный хлѣбъ и мясо. Графъ Ридигеръ пригласилъ Гѣргея, съ его генералами и нѣкоторыми изъ старшихъ офицеровъ, къ обѣду. Такое великодушное, снисходительное обхожденіе главныхъ и частныхъ нашихъ начальниковъ съ военно-плѣнными внушило имъ полное къ намъ довѣріе и вообще расположило ихъ къ русскимъ.

VI.

Того же числа прибыли въ корпусную нашу квартиру отъ коменданта крѣпости Арада, Даміанича, парламентары, съ письмомъ къ Гѣргею, въ которомъ также предлагались условія при сдачѣ крѣпости. Въ отвѣтъ на это письмо Гѣргей, между прочимъ, писалъ Даміаничу: «Съ нами такъ обходится, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся; ибо если бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ бы, кажется, ручаться за такое же шлое, великодушное обхожденіе со стороны нашихъ офицеровъ, въ отношеніи къ непріятельскимъ военно-плѣннымъ. Я сообщаю тебѣ объ этомъ потому, что, въ настоящее время, это должно быть для тебя самымъ интереснымъ предметомъ. Рѣшеніе его свѣтлости генераль-фельдмаршала заключается въ томъ, что онъ не можетъ принять никакого предварительнаго условія; но онъ полагаетъ, что, обхожденіемъ своимъ съ нами, приобрѣлъ довѣріе гарнизона». Вслѣдствіе этого убѣдительнаго отвѣта, крѣпость Арадъ, 5-го августа, сдана безусловно нашимъ войскамъ.

Съ этого времени венгерская война полагается оконченною. Дальнѣйшимъ дѣломъ нашимъ было принимать и обезоруживать добровольно приходившіе къ намъ изъ Трансильваніи и изъ другихъ мѣстъ отряды венгерскихъ войскъ. Обезоруживъ, мы отправляли ихъ въ учрежденный общій бивуакъ, при мѣстечкѣ Сарвадъ, гдѣ наконецъ и передали ихъ австрійскимъ войскамъ.

И. Дроздовъ.